

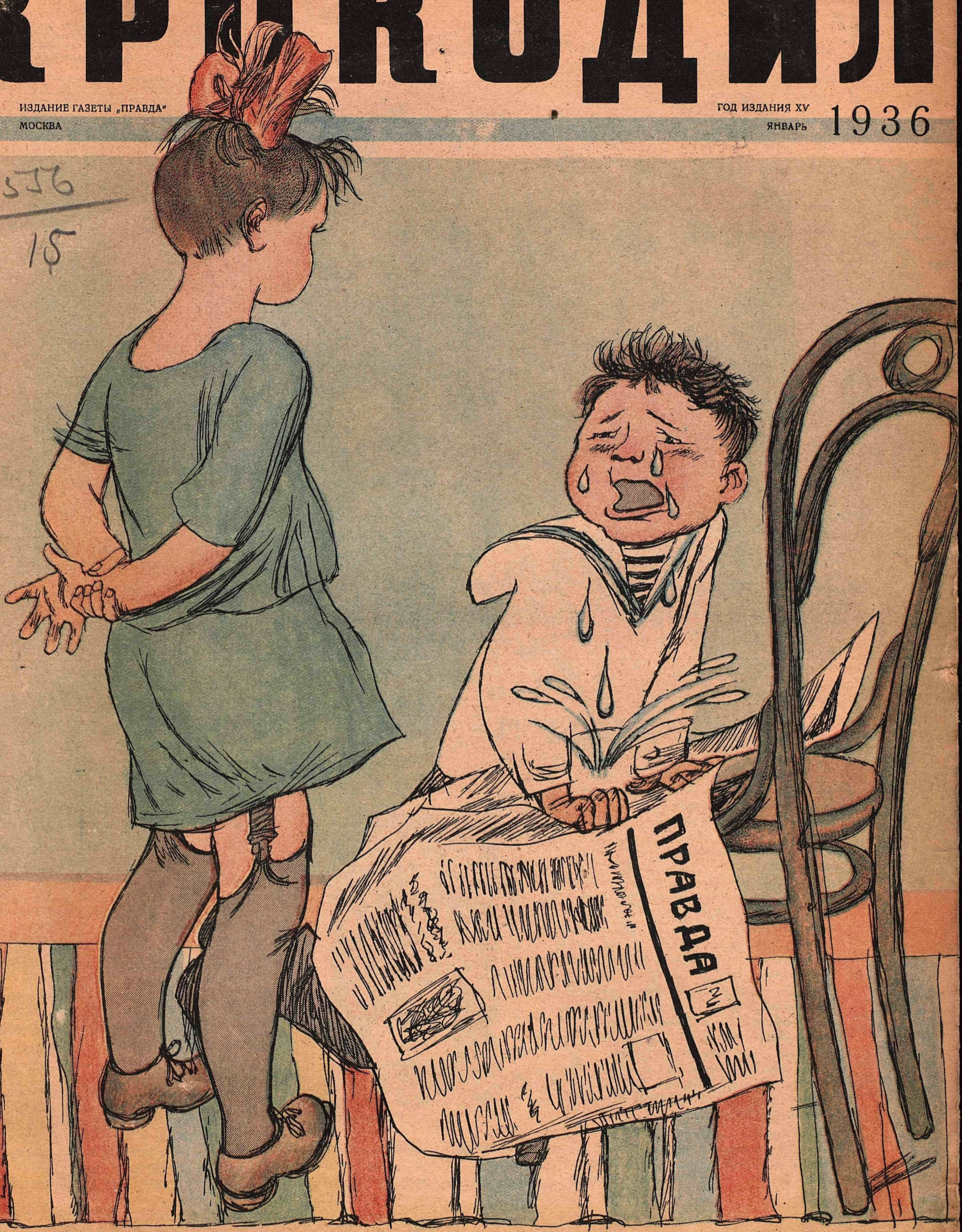
Цена 40 коп.

ЖУРНАЛ

№3 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА

ГОД ИЗДАНИЯ XV
ЯНВАРЬ 1936

2556
15

В СЕМЬЕ СТАХАНОВЦЕВ

— Ты чего ревешь?
— Ма-а-мкин рекорд поби-ли-и-и!

Рис. М. Черных

„Сейчас у машинистов и кондукторов создано твердое настроение, что ездить на товарных поездах так же почетно, как ездить на пассажирских поездах.“
(Из доклада Л. М. Нагановича на пленуме ЦК ВКП(б) 22 декабря 1935 г.)

Рис. А. Топикова

- С чем это главного кондуктора поздравляют?
- С выдвижением на новую работу.
- Неужели на скорый поезд попал?
- Поднимай выше—на товарный.

ПОСТУПИВШИЕ НА ОТЗЫВ СОЧИНЕНИЯ Г. Д. ПРОШИНА

Неоднократно читатели нашего журнала просили завести в Крокодиле отдел библиографии, в коем в популярной форме давались бы рецензии на книжные новинки, волнующие широкие читательские массы.

Признавая основательность этих читательских пожеланий, мы решили начать нашу рецензентскую деятельность с разбора сочинений секретаря Белгородского райкома ВКП(б), Курской области, Г. Д. Прошина.

Перед нами две книжки Г. Д. Прошина, выпущенные им в г. Белгороде в 1935 году: «Все силы на борьбу за высокий урожай» и «Уберем урожай без потерь».

Книжки эти представляют собой слегка выправленные стенограммы речешек, произнесенных в разное время Г. Д. Прошиным в поучение районному активу.

Прочитав эти речешки, мы долго думали: зачем, собственно, издавать их отдельными брошюрами уважаемый автор?

Может быть, в них заключены большие и оригинальные мысли?

Нет. Больших и оригинальных мыслей в трудах Г. Д. Прошина мы не нашли. Выше популярных афоризмов: «Агроном получил образование не для того, чтобы сидеть в канцеля-

Секретарь Райкома ВКП(б)
Г. Д. ПРОШИН.

рии» и «Психологические переживания нужны в романах, а на полях нужен большевистский нажим» — мысль белгородского Демосфена не

парит. Такими прописными истинами набиты обе его книжки.

Тогда, может быть, речи Г. Д. Прошина отличаются ослепительной красотой стиля?

Тоже нет. Попробуйте найти особую стилистическую красоту в такой фразе:

«Милиция тут за чистотой должна следить строго и обязательные постановления, на то они и обязательные, чтобы их обязательно проводить в жизнь».

В стиле такого нормально-канцелярского коноязычия выдержаны обе книжки Г. Д. Прошина.

Но если в его сочинениях нет ни глубины мысли, ни красоты стиля, — может быть, в них имеются хотя бы жемчужные зерна юмора?

Увы, юмор Г. Д. Прошина, старательно отмеченный ремаркой «смех», вряд ли может быть признан жемчугом.

«Спрашиваем председателя сельсовета тов. Солопанова, как обстоят дела в колхозе им. Ворошилова? Он без стеснения отвечает: «Я не помню, когда был в этом колхозе». Это в то время, когда он ежедневно ходит к ним в огород по своим надобностям!»

Крыловский петух, роясь в сочинениях Г. Д.

Прошина, не ошибся бы, выбросив подобное жемчужное зерно на свалку.

Что же есть в сочинениях Г. Д. Прошина?

Претензия! Она, матушка. Большая и нескромная претензия.

Забыв, что скромность нужна не только рядовому большевику, но абсолютно обязательна для секретарей райкомов, белгородский «вождь» выпустил свои никчемные речешки

отдельными брошюрами. Знай, мол, наших, белгородских!

Одна брошюрка при этом украшена поясным портретом Г. Д. Прошина. Портрет настолько красноречив, что не нуждается в наших комментариях. Просим читателей обратить внимание на позу Г. Д. Прошина и на громадную книгу, похожую на библию, у которой покоятся его могучие руки. Надо полагать, что эта

книга — первый том полного собрания его сочинений.

Цена на книжках Г. Д. Прошина не обозначена. Но сколько бы за них ни брали в книжных магазинах г. Белгорода, мы, все равно, будем считать цену слишком высокой. По нашему разумению, за такие книжки сам автор и его ближайшие родственники должны уплачивать читателю от 20 копеек до 1 рубля за экземпляр.

МЕЧТА АМЕРИКАНСКОГО БАНДИТА

Рис. К. Ротова

- Я все время мечтал об этом ребенке, и вот он, наконец, родился...
- Поздравляю!
- Погоди поздравлять. Я его еще не украл у его родителей.

НАВИСЛЕ

Рис. Ю. Ганфа

БЕЗРАБОТНЫЙ:— Наконец-то я нашел способ и в нашем городе зарабатывать на кусок хлеба. Я указываю самоубийцам глубокие места в реке.

О Д Н А Ж Д Ы Н О Ч Ь Ю

Ночь. Все село уже давно спит. И только Матвей Севастьянов, сторож, похаживает возле артельных служб. Ему скучно, не с кем слова молвить.

Вот за рекой лает немолодым хриповатым баритоном собака. Севастьянов знает точно, какая это собака: кобель Мирона Княгинина. Кличут Арапкой. Арапке откликается высоким срывающимся тенорком другая дворняга. Сторож узнает и ее: рыжая Атька. Про нее старухи говорят, что она «развратная: голубей жрет». Севастьянов отдежурил на улице почти три тысячи ночей, и ему понятны все звуки, все ночные шелесты, шорохи, и ошибается он только в петухах: чей петух поет — разгадать трудно.

Вдруг где-то за рекой, за овинами, прозвучал дробный стук молотка, и все собаки, какие только есть на той стороне, заляпали дружным и громким лаем.

«Кто бы это?» — подумал Севастьянов.

Собаки скоро утомонились, а молоток все стучал да стучал. Что такое?

Севастьянов поднялся на гору, обкружил овины и подошел к котуху единоличника Данилы Куроедова. Оттуда слышался уже не стук молотка, а скрежет перепиливаемого железа. «Обрез ладит, — встрепенудся Севастьянов. — Не иначе, как обрез...»

Он притаился в тени косматого овина, здоровенный кобель бросился было на него, но, учуяв знакомого человека, заластился, залаял тоненьким тенорком и потом убежал за овин.

Свет в котухе вдруг погас, оттуда вышел Данила, оглянул ночь и запер котух на громадный замок в добрых четыре килограмма весом.

Потоптавшись вокруг котуха, пошел к своей избе.

Севастьянова прохватил легонький озноб: «Недоброе! Это уж как пить недоброе!»

В прошлом году, когда тарасовский колхоз «Луч» праздновал свое пятилетие, активисты ходили на дом к Даниле Куроедову, уговаривали: «Ты не барышник, не бакалейщик, ты коренной бедняк, и отец твой был бедняк, и дед твой помер на лугу возле общественного стада, так чего ж ты противишься всеобщему течению?»

Двести дворов в колхозе, а ты — на диком положении. Может, конфузно тебе? Дескать, пять лет не шел, а когда колхоз окрепчал да повеселел, ты бегом в него побежал? А ты, Данила Кузьмич, не конфузись. Мир тебе окажет сочувствие, и будешь ты как человек, как все прочие люди, а не что-либо. На тебя сейчас и смотреть-то — кишки воротит: не личность, а искажение. Вон и порты-то у тебя как при Николашке втором.

Данила Куроедов ответил делегации гордо:

— Хоть и порты и не личность, да сам себе хозяин. Хочу это, хочу то, чего хочу, того и поступаю...

Потом он уехал в Москву, служил там где-то, а месяц назад вернулся в Тарасовку. Думает ли он купить лошадь и пахать свой единоличный отвод, про это он никому покуда не говорил, и вообще он ни с кем ни о чем не говорил и ведет себя совсем непонятно. Почти все время дверь у него на крюке, оконца завешаны рубахами, из трубы непрерывно валит дым...

Случись такое в Тарасовке лет двадцать тому назад, по се-

лу пошли бы разные бабьи толки: «Данила-де стал колдуном» или «Данила-де рубли оловянные делает» и так далее.

А теперь соседки Данилы Куроедова по уши погружены во всякие важные и очень завлекательные колхозные и домашние дела. Хлопот прорва. Данила Куроедов соседкам мало интересен, о нем и разговоров нет.

Но вышло так, что сторож не только заинтересовался, но и пришел в великое волнение.

«Это что же! — размышлял он, поглядывая на котух. — Человек как-никак имеет голову, а в колхоз не идет. Значит, кто он есть миру? Есть он тайный лиходей. И зачем он от народу прячется? И чего такое посреди ночи пилит? Ясно, обрез пилит. Или что еще хуже. Так, так, так...»

Тихо ступая по снегу, Севастьянов пошел к избе председателя. По дороге вспомнил, что председатель и парторг еще не вернулись из Мироновки с совещания. Сторож постучал в избу комсорга Вани Турчанинова.

— Пошевели мозгами, — сказал Севастьянов комсоргу. — Зачем ему среди ночи железо пилить? А? Для своего удовольствия? А?

Комсорг взволнованно стал одеваться, приговаривая:

— Тут, брат, никакой неожиданности нет. Тут, брат, будет всем нам хороший урок. Тут, брат...

— Наган-то не забудь, — сказал Севастьянов.

По дороге они прихватили охотника Ермошу. Тот накинул полшубок прямо на белье, взял централку, спросил:

— Сопротивление ожидаете?

Глаза его воинственно горели, а нос покрылся мелким потом.

Не дожидаясь ответа, он вложил в централку волчий заряд, сказал:

— Чую, это дело не без Гитлера.

Но вот и котух. Когда снимали замок, остервенело лаяли псы, и можно было опасаться, что Данила выйдет на лай из избы.

Попав, наконец, в котух, зажгли два фонаря и в отвесах их увидели странную громаду: стоит окрашенная в три цвета машина с крыльями, цепями, лемехами, по бокам висят громадные мешки.

Чуть отступив, увидели на лбу машины, на доске, окрашенной в лазоревый цвет, красные слова:

«Картофельный полукомбайн — поднесение колхозу «Луч» от бывшего последнего единоличника Д. К. Куроедова его собственного изобретения».

Изобретатель, разбуженный лаем, стоял у двери лохматый, изумленный, с полуоткрытым ртом.

— Это ты чего же? — показал ему на машину Севастьянов. — Это как теперь тебя понимать?

— Имею теперь основание, — ответил Данила заикаясь, — как я обдумал... теперь имею основание прийти в колхоз со своей машиной. Она ж и подкапывает, и подхватывает, и принимает картошку. Без малого полный комбайн! Так что имею теперь основание...

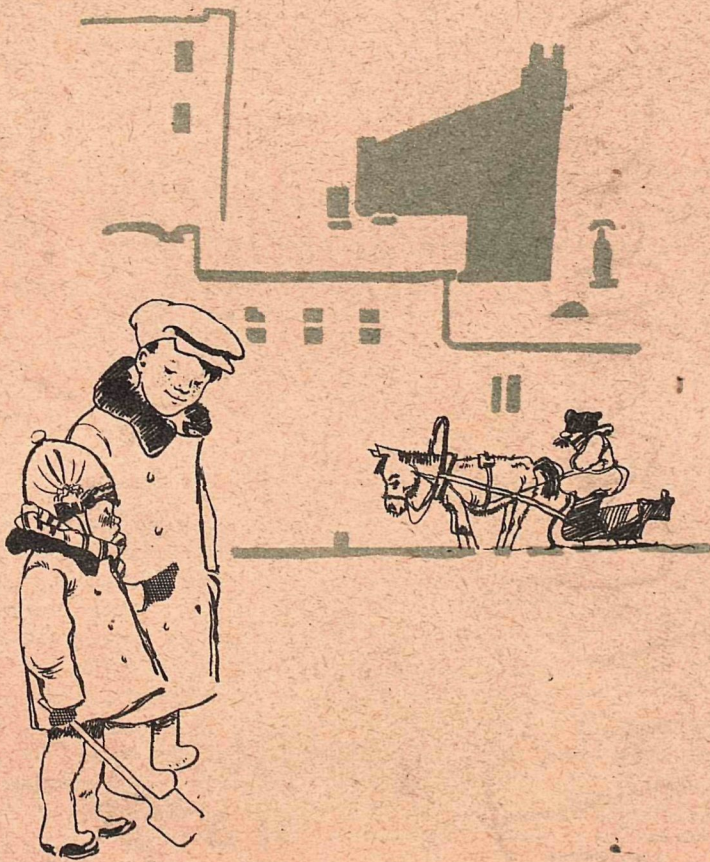
— Значит, с музыкой решил войти в колхоз?

— С музыкой! — засмеялся Данила и, суетясь, прыгая возле своего творения, стал показывать лемеха, цепи, подборщики, передатчики...

АЛЕКСЕЙ КОЛОСОВ

П О Н Я Т Ь — П Р О С Т И Т Ь

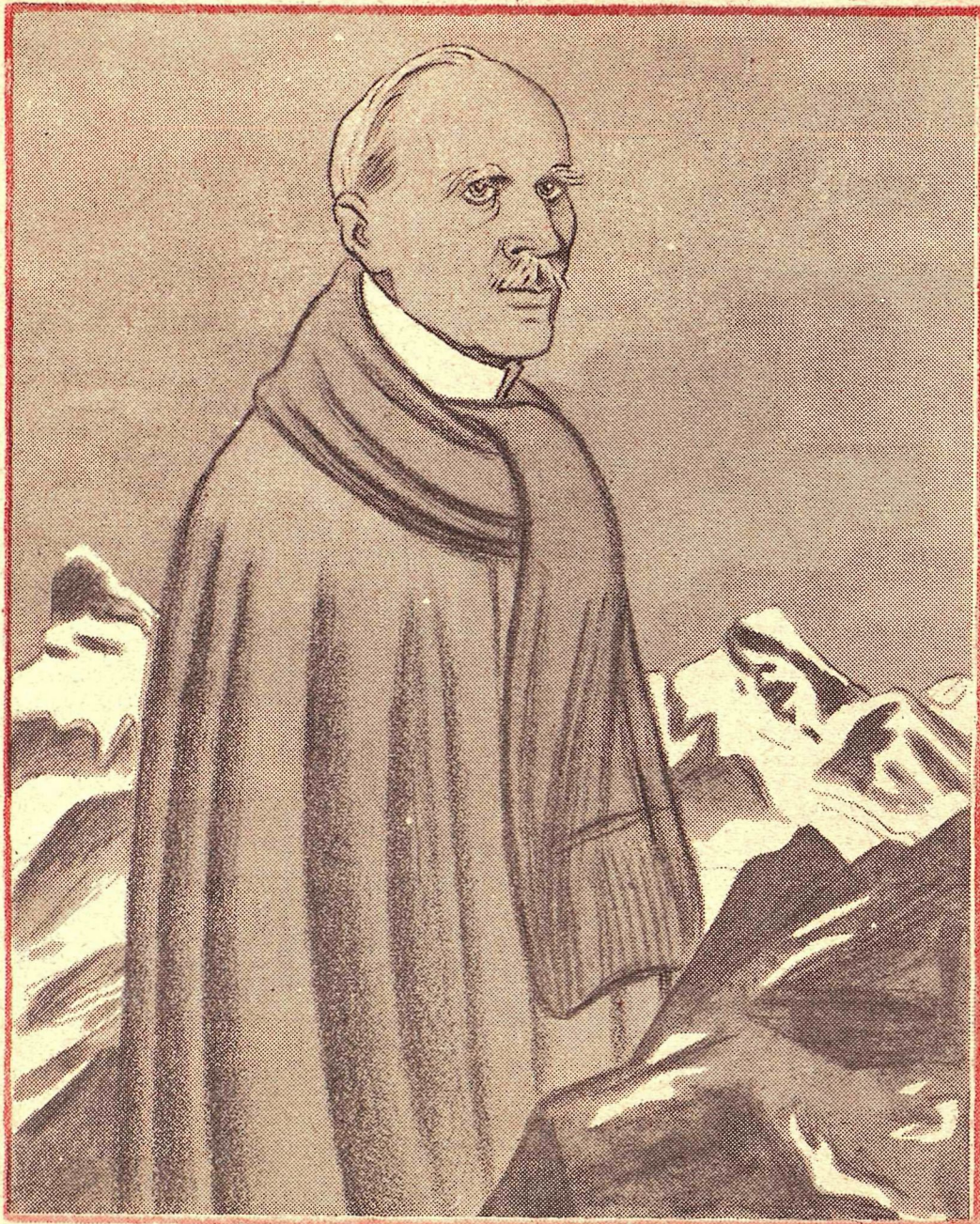
Рис. М. Храпковского

— Бедный дядя! Он, наверно, еще не ездил вметр!..

РОМЭН РОЛЛАНУ 70 ЛЕТ

Дружеский шарж Бор. Ефимова

Среди альпийских вершин высится одна, на которой с любовью останавливается советский глаз. Великий француз Ромэн Роллан. Крупнейший поэт, пишущий прозой, сильнейший прозаик, подаривший человечеству прекрасные поэтические книги. От многих старых писателей Запада, вроде немца Гауптмана и норвежца Гамсуна, отличается тем, что пишет о любви к человечеству, а не о расправе над ним. В „Жане Кристофе“ сблизил германский и французский народы, чего никогда не простит господин Геббельс. Был недавно нашим гостем. Ждем что будет им еще не раз.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ ТУЧИ

Встретились два средних, но уже довольно полных киноактера. Встретились и сразу заговорили о последней новости:

- Ты слышал?
- Насчет солнца? Слышал.
- Возмутительно!
- Вася! Вспомни, как кормило нас солнце. Приедем под Иркутск, солнца нет. Ждем...
- А командировочные идут.
- А командировочные идут, а мы сидим у неба и солнца ждем.
- Сибирь, она, знаешь, шутить не любит.
- А в Астрахань, помнишь, на натурные съемки поехали?
- Как не помнить... Милое солнышко не показывалось две недели.
- Дождь лил, а командировочные шли...
- А потом в Рязань поехали за среднерусским пейзажем.
- Да... А тучки все заволкли, и мы сидели и ждали...
- И сами были как тучки небесные, вечные странники.
- Ну, не вечные. Больше в Москве сидели.
- Я так, к рифме... И что же задумали сейчас? Солнцеград... И там тебе и Иркутск и Рязань из папье-маше сделают...
- И Фергану и тундру...
- А где ж командировочные?

— И солнце будет светить триста дней в году... Снимайся хоть каждый день!

— Возмутительно!

И оба актера стали серьезны как Бестер Китон.

— Разве только вот что, Вася... Бывают же солнечные затмения.

— Жди его... Да и то в это время поставят какую-нибудь картинку из арктической полярной ночи. Чего стесняться, раз тундра в двух шагах будет.

— Ох, я и забыл!.. Ну, куда, куда ж нам, творческим работникам, теперь деваться?!

ЧИНКА

— Чшорт!.. Чшорт!.. А, чшорт!..

Он чинил карандаш. Карандаш ломался, графит крошился. Бросил остаток карандаша на пол. Потом поднял, посмотрел, вздохнул:

— Вот не везет, так не везет!..

— Да уж эти карандаши...

— Не везет!.. Я все прохватить хочу фабрику, которая эти лучины выпускает. Но позабудешься и не с того конца чинить начнешь...

— А что, вы думаете, с того конца карандаш лучше?

— Гораздо б лучше... Я б этого так не оставил. А теперь срезал название фабрики — и как в потемках. Не знаешь, кого прохватить...

СХОДСТВО

Шли мимо снежной бабы, вылепленной ребятами. В руках у нее была метла.

— Знаешь, — сказал один из спутников, — эта снежная скульптура частично напоминает некоторые из наших скульптур, виденных на последней выставке.

— Та же импрессионистская манера? Отсутствие индивидуальности?

— Не в том дело. Но мне кажется, и те и эта баба будут жить одинаковый срок.

Из рук снежной бабы с порохом выпала метла. Солнце начинало пригревать.

БОЛЬШОЙ ВЫБОР

— А пуговицы у вас имеются?

— Пожалуйста! Большой выбор! Имеются пуговицы военно-морские, железнодорожные, трамвайные, почтово-телеграфные, учениче... Каких прикажете?..

— Вот жизнь! — глубоко вздохнул покупатель. — Если, скажем, я, как бывало, перелечу с железной дороги да на трамвай, а с трамвая на почтовый телеграф, а оттуда обратно на железную, так, значит, мне только пришивай да отпарывай, пришивай да отпарывай? И за что только боролись в осьмнадцатом году?!

ПИСЬМО

Заведующий отделом народного образования был явно расстроен. Он комкал газету:

— Вот напиши правду, а потом тебя за эту правду крыть и крыть будут. Да, да. Точно так. Сам своей персоной пострадал. Да написал в центральную газету, что ремонт школ у нас ни к чорту проведен, а они меня же кроют, требуют, чтоб меня уволили... Чего там не так, коли так... Видите: «безобразие, что на посту завОНО сидит такой человек»... Выходит, что ты за каждый кирпич в ответе... Какое письмо я написал? Да не особенно резкое. Обычно самокритическое. Вот почитайте сами... Они и письмо напечатали... Знал бы, не крыл так... А го за всех отвечай. Пожалуйста, вот и письмо...

В письме сообщалось:

«И еше даважу до вашего свединия, что кирпич ни куда ни гадится!! Опратно криша течет...»

Он вздохнул:

— И все от первой строки до конца правда. А теперь страдай за правду... С.справедливо!..

В. ТОБОЛЯКОВ

РОКОВОЕ ВЛЕЧЕНИЕ

— А что ваш супруг теперь подделывает, Анна Васильевна?

— Коленька-то? Коленька возглавляет.

— И давно это он?

— А как в Кострому переехали. Сразу. Приходит он это, как сейчас помню, домой, на лице пафос, галстук на боку, руки трясутся, а даже папироску не с того конца зажигает. Ну, говорит, Анюта, вот оно началось, стихийное движение соцсоревнования, и я прямо-таки не могу его не возглавлять на данном отрезке времени у себя на переплетной фабрике.

— Включился, значит?

— Насчет включения не скажу. Даже обиделся, когда спросила. Я, говорит, временно не в состоянии включиться по случаю ревматизма и переутомления. И опять же вставать рано надо и в глубоких калошах на фабрику бегать, как какой-то неквалифицированной единице. Но возглавлять буду. Так вся семейная жизнь и пошла прахом.

— Да что вы, родная?

— И не говорите. С утра как встанет, запрется—и писать. Чаю, спросишь, не надо ли, так и на то даже обижается. Ты, говорит, у меня своим неприятным голосом все красивые фразы из мышления выбиваешь. Все резолюции писал. У Вовочки все тетрадки израсходовал. Напишет, выучит наизусть—Анисью нашу заставлял по тетрадке его спрашивать—и на фабрику. А там, знаете, помещение большое, здесь речь, там речь,—домой вернется—прямо лица нет. Не переутомляй, говорю, Коленька, себя. Нет, говорит, переутомлю. Брось, говорю, возглавлять. Нет, говорит, не брошу.

— Ну и как?

— Слава богу, все благополучно кончилось. Перевели в Тулу. А там опять это самое—ударное. Опять возглавлять начал.

— Сам?

— Сам. Остальным некогда было. И люди черствые. Сделались ударниками и в ус себе не дуют, а все остальное на Коленьку свалили. Я уж ему от всего сердца советовала: плюнь ты на них, сделайся ударником, может, легче будет. А он вторично обижается. Это, говорит, при моих нервах—и в рядовые ударники записываться? При моем, говорит, размахе незаметным винтом болтаться? Так ты своего мужа расцениваешь? Даже абажур от огорчения разбил. Розовый. И прямо к ночи домой приходил стал. И все на торты жаловался. Прямо, говорит, невозможно руководить стало. Как собрание—так торты. На одном—сливочный, на другом—ореховый, а я один. У меня, говорит, ни нервов, ни желудка не хватает. Потом, слава богу, и здесь кончилось.

— Перевели?

— Сам ушел. Обидели. Какой-то субъект на торжественном заседании прямо, знаете, так цинично спрашивает: а почему, мол, вы, Николай Семенович, не ударник? Коленька, конечно, стерпел и мягко возражает: пардон, а кто же возглавлять будет, если все в ударники бросится? Ну, конечно, не поняли его. Обиделся, взял отпуск и уехал. В Пензу перевелся.

— Хорошо устроились, золотая?

— Куда там. Опять возглавлять начал. Разве у нас может культурный человек спокойно жить и работать. Стахановское началось. Я уж заранее говорю Коленьке: не мучь себя, нервы у тебя средние, ревматизм наблюдается, попробуй работать. Я где-то в газетах читала, говорю, что за работу деньги платят. И вижу я, что ходит мой Ко-

ленька сумрачный такой, некрасивый и даже вздыхает в коридоре. На кого, спрашиваю, Коленька обижаешься, а если нет, то почему? Раскрыл он мне душу около ванной. Я, говорит, Анюта, разочаровываться стал. Теперь, говорит, Анюта, для человека моего широкого размаха просто гибель. Кругом—сплошная разруха настроения, грубый эгоизм и полное крушение общественных горизонтов. Возьми, например, Семенухина и положи нас с ним на весы. Что он и что я? А Семенухин полторы тысячи зарабатывает, а у меня четыреста восемьдесят с вычетами. И возглавлять не дают. Обидно мне стало за единокровного мужа. Девять лет вместе живем. Попробуй, говорю, Коленька, примиришься с положением—стань стахановцем, может, чего-нибудь выйдет.

— А он что?

— Сердится. Даже угрожать начал, что гриппом нарочно для меня заразится. Я, говорит, может, и стал бы, если бы от меня пафоса потребовали, а они что требуют: чтобы мой упаковочный цех на две нормы выше работал. Я, может, стахановское движение до корней понял, я, может, конкретные заветы у себя в душе выносил, а они мне тарой и упаковкой в морду тычут. Упаковывать, говорит, всякий человек без заслуг может, а возглавлять—не всякий.

— Ну дали бы уж человеку возглавлять что-нибудь...

— Сухие людишки. И даже не стесняются. В фабричном доме живем—так кругом такие нахалы! Кто с новым патефоном по лестнице шлепает, кто пианино в квартиру впирает, кто мебель тащит, а такой человек, как Коленька, сиди и смотри. Затерли работника.

— И не говорите, дорогая! У нас это всегда. Пусть отпуск бы взял, что ли.

— Берет. В Евпаторию едет. А оттуда—в Казань. Там у него родственник: дядя на свечном заводе служит.

— Место хорошее?

— Насчет места ничего не скажу. Да и где Коленьке при его нервах местом интересоваться. Устроиться возглавлять—и за то слава богу!

Арк. БУХОВ

ЕСТЕСТВЕННОЕ СОЖАЛЕНИЕ

Рис. Б. Клинка

— Почему это у нас начальник станции такой мрачный?

— А каково ему, бедняге: план выполнил всего на сто процентов.

О Б Ы В А Т Е Л Ь

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Алексей Петрович.
Екатерина Сергеевна—его жена.
Дочь—пионерка.
Домработница.
Хозяйка.
Эмиль—муж хозяйки.
Иностранцы.

Утро. В комнате предот'ездный беспорядок. Алексей Петрович собирается уезжать. Он стоит перед зеркалом, пристегивает воротник. Уронив запонку, Алексей Петрович ищет ее на полу, под столом.

Алексей Петрович. Куда она девалась?.. Терпеть не могу эти штучки, когда вещи начинают играть с тобой в прятки... Куда она девалась? Чорт бы ее драл!.. (Входит жена.)

Екатерина Сергеевна. Ты что ищешь, Алеша?

Ал. Петр. Запонку. Переднюю. Горловую.

Екат. Серг. (помогает искать). Вечно ты что-нибудь теряешь...

Ал. Петр. (не слушая). Не люблю эти штучки, когда вещи начинают над тобой подтрунивать. Не люблю эту мистику... Куда она девалась?

Екат. Серг. При чем тут мистика?

Ал. Петр. А, по-твоему, это нормально? Только что держал в руках запонку, а она вывалилась и усакала... В комнату никто не входил. Посторонних тут не было... Типичная мистика...

Екат. Серг. Ты рассуждаешь как обыватель... Горе, когда муж—обыватель. (Вздыхает.)

Ал. Петр. (перестает искать). Во-первых, я ученый. (Продолжает искать.)

Екат. Серг. Ученый обыватель.

Ал. Петр. (перестает искать, возмущенно). Кто обыватель? Меня посылают за границу усовершенствоваться! Меня хвалят в печати!.. По-твоему, обывателя посылают усовершенствоваться? Да? Обывателя хвалят в печати? Да? Постыдилась бы, матушка!

Екат. Серг. (раздраженно). Сколько раз я тебе говорила, чтоб ты не смел меня так называть! Запрещаю! (Передразнивая.) Ма-тушка. Типичное выражение обывателя! (Входит дочь.)

Дочь (потягивая носом). В воздухе пахнет конфликтом. Чего опять не поделили? Ох, уж эти мне отцы и дети! Вечная проблема.

Екат. Серг. Твой папа обыватель... Ужасный обыватель!

Дочь. Немножко это есть, но не такой уже ужасный. Хуже бывает.

Екат. Серг. Что может быть хуже? Газеты он не читает. Начнет читать—и сразу же храпит... И храпит как самый последний обыватель... За нашу совместную жизнь он не прочел ни одной политической книги.

Дочь. Ну это ты, мама, преувеличиваешь.

Екат. Серг. К сожалению, нет. Клянусь тебе, что это так... На каждом шагу приходится выбивать из него эту обывательщину. Она выражается не только в отдельных фразах, но во всем его облике, в походке.

Дочь. Ты недостаточно объективна, мама. Правда, он не передовой (с улыбкой), далеко не передовой. В нем много еще есть элементов от старого... Но он...

Ал. Петр. (не поднимаясь с пола, все время тревожно следит за разговором жены с дочкой, неожиданно вскакивает). Кто дал вам право говорить обо мне, точно меня здесь нет... Как вы смеете!.. Сидите обе на моей шее.

Екат. Серг. (злорадно). Слышишь, слышишь, слышишь...

Дочь. Папа, это ужасно!

Ал. Петр. Что ужасно? Наградные я получаю. Квартиру мне дали. Путевки в дома отдыха я вам устраиваю. Со мной считаются, а не с вами. Я на вас работаю... А вместо благодарности—обыватель, обыватель... Я вас одеваю, пою, кормлю... (Испугавшись собственных слов, в изнеможении садится на диван.)

Екат. Серг. Вот как из него прет этот мешанин. На нас работает!.. Так имей же в виду, Алексей, что ни я, ни твоя дочь ни одной секунды не желаем находиться в экономической зависимости от тебя. Я сама достаточно зарабатываю, чтобы прокормить себя и дочь... Мы не нуждаемся ни в твоей квартире, ни в твоих деньгах. Слышишь! Он на нас работает!.. (Кричит.) Никто тебе не позволит так с нами разговаривать!

Дочь. Мама, спокойней. Его надо перевоспитывать...

Ал. Петр. (вскакивает, бежит по комнате). О, боже мой, боже мой... Простите меня, товарищи... Погорячился... Прости меня, Катенька... Больше не буду. Ей-богу, не буду... Все время слышу—обыватель, обыватель... Думаешь, мне легко... У меня тоже нервы, а не селедочные хвосты... Я же... простите меня... Уезжаю на три месяца... Так не хочется ссориться.

Дочь. Прости его, мамочка. Он хоть обыватель, но какой-то симпатичный обыватель. В нем есть и хорошие качества... Его надо перевоспитывать.

Ал. Петр. Ну, конечно, меня надо перевоспитывать... Я не хочу ссориться.

Екат. Серг. Вот тоже типичная черта обывателя: не хочу ссориться.

Ал. Петр. Правильно, правильно... Ну, мир! Ладно, мир... Прости меня, матушка. (Испуганно вскрикивает.) Ой... Ей-богу, это нечаянно... Клянусь, больше не буду так называть... Отсохни мой язык...

Екат. Серг. (вздыхает). Разве в этом дело? Матушка—это только деталь. Но ты во всем обыватель, Алексей. Во всем, во всем.

Ал. Петр. Что же мне делать?.. Все-таки по сравнению с прошлым годом я стал лучше. Ведь ты сама как-то говорила... (Зайскаивающе.) Верно ведь?

Дочь. Это, мама, верно. Он все-таки исправляется. (Входит домработница.)

Екат. Серг. (печально). Это у него в крови.

Домработница. Такси есть.

Ал. Петр. (заметив запонку). Вот она—эта зловещая запонка. (Подымает, поспешно пристегивает воротник.) Все из-за тебя, проклятая... Не скажи я про эту мистику...

Екат. Серг. Разве в этом дело?..

Ал. Петр. Мир, мир, мир... (Надевает пальто.) Присядем перед от'ездом. (Садится. Екатерина Сергеевна, дочь, домработница не садятся. Они глядят на Алексея Петровича с грустью.)

ПЕРЕМЕНА

Квартира иностранца, где живет на полном пансионе Алексей Петрович. Вечер. Гости.

Хозяйка (шопотом). Это ужасно, ужасно... И кто мог знать? Одет прилично. Разговаривает прилично. Ученый. Воспитанный. А оказался страшный большевик с ужаснейшей моралью. Я боюсь его, господа... Мы боимся его, господа. Верно, Эмиль?

Эмиль. Верно.

1-й иностранец. А вы бы отказали ему в пансионе.

Хозяйка. Кто мог знать... Он уплатил вперед... Но если б я знала... Но если б мы знали. Верно, Эмиль?

Эмиль. Верно.

Хозяйка. Тише... Идет. Я вам сейчас буду его демонстрировать. (Все с ужасом смотрят на появившегося Алексея Петровича.)

Ал. Петр. О, у вас сегодня гости... Это приятно, приятно. (Садится.)

Хозяйка. Скажите, Алексей Петрович... А правда, что в вашей стране нет никакой разницы между, так сказать, брачными и внебрачными детьми?

Ал. Петр. Абсолютно.

1-й иностранец. И вы также разделяете эту точку?

Ал. Петр. Над этим у нас никто и не задумывается. В том числе и ваш покорный слуга.

1-я иностранка. А скажите, если у вас женщина рождает без мужа...

Ал. Петр. (удивленно). То-есть как?

1-я иностранка (смущенно). Я хотела сказать не то... Я хотела сказать...

Хозяйка. Она хотела спросить, как относится ваше общество к женщине, если она рождает, не будучи венчанной или зарегистрированной?

Ал. Петр. Так же, как к зарегистрированной.

1-й иностранец. И ее принимают в обществе наравне с другими?

1-я иностранка. И она вместе с другими ест, пьет?

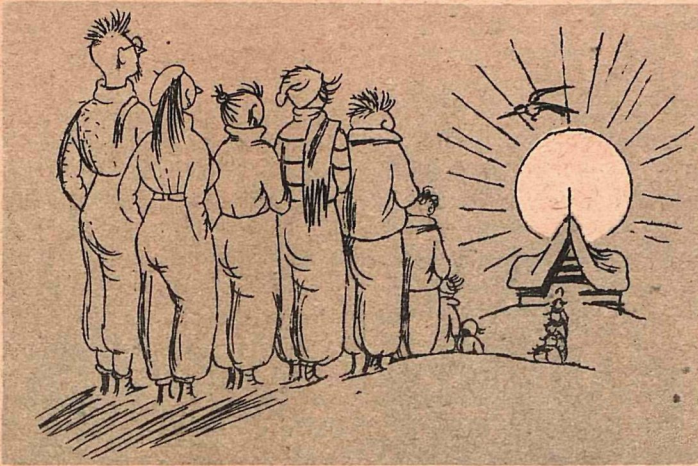
Ал. Петр. И ест и пьет в зависимости от аппетита... И еще как ест! Среди них попадаются такие едуны...

1-й иностранец. И вы сами не постыдились бы у себя в доме принять такую женщину?

Ал. Петр. С удовольствием... А одну такую женщину как я ни просил, как ни унижался—не пришла.

ЛЕГКОСТЬ ЛЫЖНОГО СПОРТА

Рис. Л. Сойфертиса

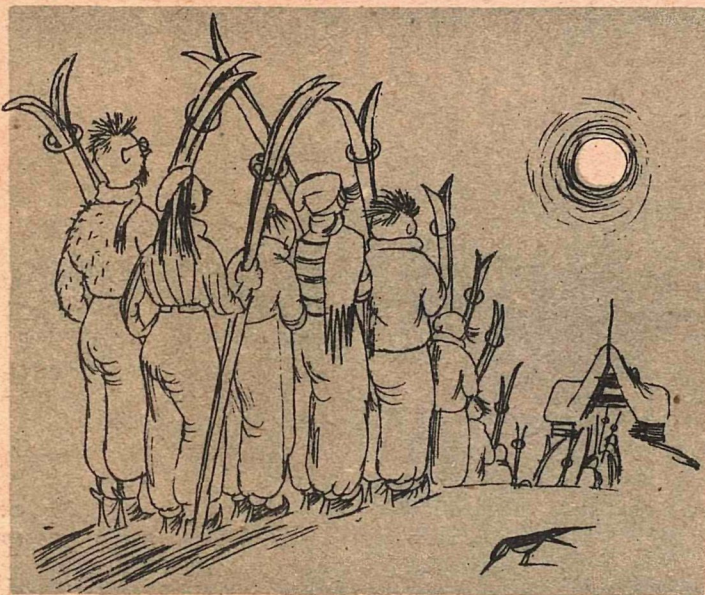

1. Как утверждают наши лыжники, во многих городах овладение твердынями лыжного спорта проходит в самой благоприятной атмосфере, не требует никакого навыка и чрезвычайно укрепляет организм труженика лыжи.

С утра, едва первая птичка пропоеет что-нибудь несложное по поводу солнца и других мелких деталей начинающегося дня, вы становитесь в очередь за лыжами. Приятная компания, обмен мнениями, легкий подкрепляющий морозец — и так незаметно проходит время до полдня

2. Зимний полдень дарит вас тихой незабываемой радостью. Вам вручают лыжи. Не целиком и полностью — как это официально говорится, — а только ориентировочно. К лыжам нужны еще пьексы. Вот вы за ними и стоите.

3. Получив пьексы, вы можете немедленно включиться в очередь по сдаче лыж. Стоите вы не один. И другие тоже стоят. В этом большое моральное утешение для рядового работника лыжи. Одному стоять, конечно, скучнее.

4. И что же: еще не успела маящая лунная полночь превратиться в беззвездную глухую ночь, как, постояв часа два-два с половиной и сдав пьексы, вы можете спокойно идти, посвежевший и окрепший, утешая себя мечтами о возможности когда-нибудь покататься на лыжах.

1-я иностранка. Почему?

Ал. Петр. (смущенно). Я ей не нравился...

Гости смотрят на него со страхом.

Эмиль. А правда, что у вас нет никакой разницы между черным и белым?

Ал. Петр. (раздраженно). Никакой. У нас есть разница между глупыми и умными вне зависимости от их цвета кожи.

1-я иностранка. А вы бы позволили вашей дочери выйти замуж за негра?

Ал. Петр. Она бы у меня об этом и не спросила...

Гости. Как?!

Ал. Петр. (зевая). Так просто и не спросила б...

Хозяйка. Это щекотливый вопрос. Давайте его лучше не касаться. А скажите, Алексей Петрович, верно вы мне говорили, что у вас женятся на женщинах, которая беременна от другого?

Ал. Петр. Бывает. Влюбляются в беременных и женятся.

Гости. Как?!

1-й иностранец. И вы могли бы так сделать?

Ал. Петр. Если бы влюбился, обязательно так сделал бы.

Гости. Ужасно!

1-й иностранец. А правда, что у вас уголовных преступников, отличившихся где-нибудь в ваших новостройках, вновь принимают в общество?

Хозяйка. И в вашей лаборатории работает бывший вор и, как вы сами рассказывали, бывает у вас в доме?

Ал. Петр. Все это правда. И ничего тут удивительного...

1-й иностранец. Странно. Непонятно. Как это вы, ученый джентльмен, можете жить с такой моралью? Вы, наверное, там самый яркий большевик?

Ал. Петр. (грустно качает головой). Увы!.. Я обыватель. Обыкновенный обыватель. Во мне еще очень мало передовых элементов, как говорит моя дочь... (С грустной улыбкой.) Из меня надо вы-

колачивать обывательщину на каждом шагу, как говорит моя жена... Это верно, я обыватель... Во мне много пережитков и суеверий... Но ничего, с каждым годом их все меньше и меньше... Спокойной ночи, господа. (Уходит.)

Грлоса гостей. Ужасно!.. И таких держать в доме! Откажите ему немедленно!

Хозяйка. С удовольствием отказала б, но он уплатил вперед.

ПЕРЕМЕНА

Декорация 1-й картины. Алексей Петрович с новым чемоданом переступает через порог комнаты. К нему бросается дочь, жена.

Дочь. Папочка приехал!..

Ал. Петр. (отстраняя супругу и дочь, испуганно кричит). Вы с ума сошли! Кто же здоровается через порог?

Екат. Серг. (печально). Обыватель приехал.

Занавес

Б. ЛЕВИН

ПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Рис. Кукрыниксы

ПУШКИН (Маяковскому):—Дорогой Владимир Владимирович! От имени нашего коллектива поздравляю вас с возвращением в школьную программу.

СТРАШНАЯ СКАЗОЧКА

Настоящий рассказ застаёт Анания Бричке в тот момент, когда он мужественно сбросил с себя ржавые идеологические оковы преступного прошлого. Это преступное прошлое заключалась в том, что еще четырнадцатилетним лицеистом молодой бричке ощущал могучее влечение к спиритуализму, йогам, медиумам, факирам, поэту Синему, а частично к цыганкам-хористкам из кабарэ «Загробные очи». К двадцати годам склонность эта усугубилась, а к тридцати бывший правовед Бричке в орлином полете взмыл к вершинам мистической мысли. Совместно с поэтом Синим он выпустил на слонової бумаге труд под названием «Гейзеры духа», а также многотомное исследование о первой жене Адама — таинственной, соблазнительной Лилит...

На тридцать пятом году жизни, потеряв задушевного друга и соратника поэта Синего, Ананий, проявив себя железным организатором, создал общество чистой мистической мысли и невесомой поэзии. В честь усопшего поэта Синего общество было названо «Синие канделябры». Канделябристами являлись люди, близкие друг другу по духу, по настроениям и «по устремлениям ввысь»... как с грустной улыбкой объясняла активнейшая канделябристка — Агнесса Аполосовна Бумштейн.

В обществе «Синие канделябры» запросто вызвали на собеседование и Кая Юлия Цезаря, и дух всемирноизвестного жеребца Александра Македонского—Муффало, и убийцу Павла Первого, а также тень старика-гинеколога Аполлоса Бумштейна. Продукция общества выпускалась в свет на черной бумаге, и особенный успех скандала приобрело однострочное стихотворение Анания Бричке, названное им «Транслит»:

«В сумерках ногтеі мужскую шею обнимаю...»

Напрасно казанские курсистки и съезд земских деятелей Пскова выносили протесты против развращающего действия общества «Синие канделябры» на неокрепшую духом молодежь... Это еще больше закаляло актив канделябристов, и сам Ананий Бричке говорил, холодно пожимая плечами:

— Подлинные новаторы одиноки. Мы с Демоном, но не с Демосом...

Трудно догадаться, что в 1935 году под коричневой толстовкой из рубчатого бархата скрывается все то же бледное, как спаржа, продолговатое тело Анания Бричке. Еще труднее было предположить, что пламенный трибун, выступающий на крайне левом фланге в борьбе с биологизмом, романтизмом, а главным образом психологизмом, есть тот же самый Ананий Бричке. Он сам не мог бы сказать, как это произошло. Но однажды он проснулся и почувствовал, что он перестроился. Да, безудержно, безоговорочно перестроился и, как натура активная, презрительная не просто в тихого, домашнего перестроившегося, а в воинствующего, декларирующего, разоблачающего. Он безжалостно отрезал «ножницами современности», как он выражался, пуповину, связующую его с прошлым. Этими же «ножницами» он неумолимо кромсал произведения молодых авторов. Он действовал с яростью новообращенного. Заметив малейшую ошибку молодого автора, он применял хирургический метод воздействия, состоявший в том, что незначительно пораженную часть он отхватывал своими излюбленными «ножницами» вместе со здоровой и жизнеспособной тканью. Он мужественно ставил диагноз—«рак», когда дело шло только о бородавке, и в детской кори он усматривал сифилитические язвы. Он требовал аутодафе для насквозь прогнившего помещика Ивана Тургенева, изъятия из библиотек уездного нытика Чехова и немедленной передачи в химическую чистку интеллигентски расслабляющих полотен Левитана и мистических картин Сурикова. Но живого, еще дышащего врага он усматривал в так называемом психологизме. Он вздрагивал, когда о современном положительном герое автор писал, что тому «взгрустнулось», что в глазах его «сверкнула мысль» или что тот «задумчиво посмотрел на море». «Интеллигентщина! — кричал Ананий. — Феодалные пережиточки!»

Выступления Анания Бричке прежде всего ошеломляли. Однако голоса изумления и негодования нередко заглушались почтительно испуганными возгласами членов свиты, которая постепенно организовалась вокруг учителя. Это было бледное стадо молодых людей и девиц невыясненных

профессий, которое приблизительно еще с бронзового века по наши дни безнадежно теснится у неприступных дверей Парнаса.

— Правильно, — взвизгивали они, пожимая плечами. — Взорвем старый мир! Да здравствует человек-жест.

Поддержка этих людей вдохновляла Бричке. Его не смущали негодующие выступления несогласных с ним.

— Подлинные новаторы не одиноки, — говорил он. — Мы с Демосом, но не с Демоном!.. За нами массы!..

Единственно, что нехорошо волновало Бричке, — пребывание в жизни его старой соратницы, канделябристки Агнессы Аполосовны Бумштейн.

Совершенно не перестроившись, эта дама, однако, имела наглость ютиться в одном из кустарных музеев и даже теоретически попискивала что-то относительно роли фантастики в детской сказке. Неперестроившаяся канделябристка была мучительной занозой на трудном, но почтеннейшем пути Анания Бричке. Неоднократно Ананий в своих выступлениях требовал отмежевания от ложных установок этой идеалистически настроенной личности, а также изъятия из ее рук отдела вятских игрушек. Этому и была посвящена его очередная статья «Фантастика или гимнастика?»

Разоблаченная и позорно уничтоженная, Агнесса немедленно сгинула, а Ананий еще долго дожевывал канделябристку.

Но вдруг на одном из диспутов, посвященном итогам этой битвы, речь Анания прервал до боли знакомый, дребезжаще-полипный дамский голосок, крикнувший в самом его боевом месте: «Правильно!» Почти с вернувшимся к нему мистическим чувством Ананий взглянул и увидел до отвращения знакомый ему вот уже сорок лет утиный нос в двойном пенсне с черным шнурком, взволнованный могучий бюст и всю антикварную фигурку своей бывшей соратницы.

Но Агнесса Аполосовна, не дрогнув, железным взглядом встретила его взгляд.

— Минуточку, товарищи, — сказала она неожиданно деловитым, но уже привычным голосом. — Силянс, товарищи!

И негнущейся поступью дама последовала к трибуне.

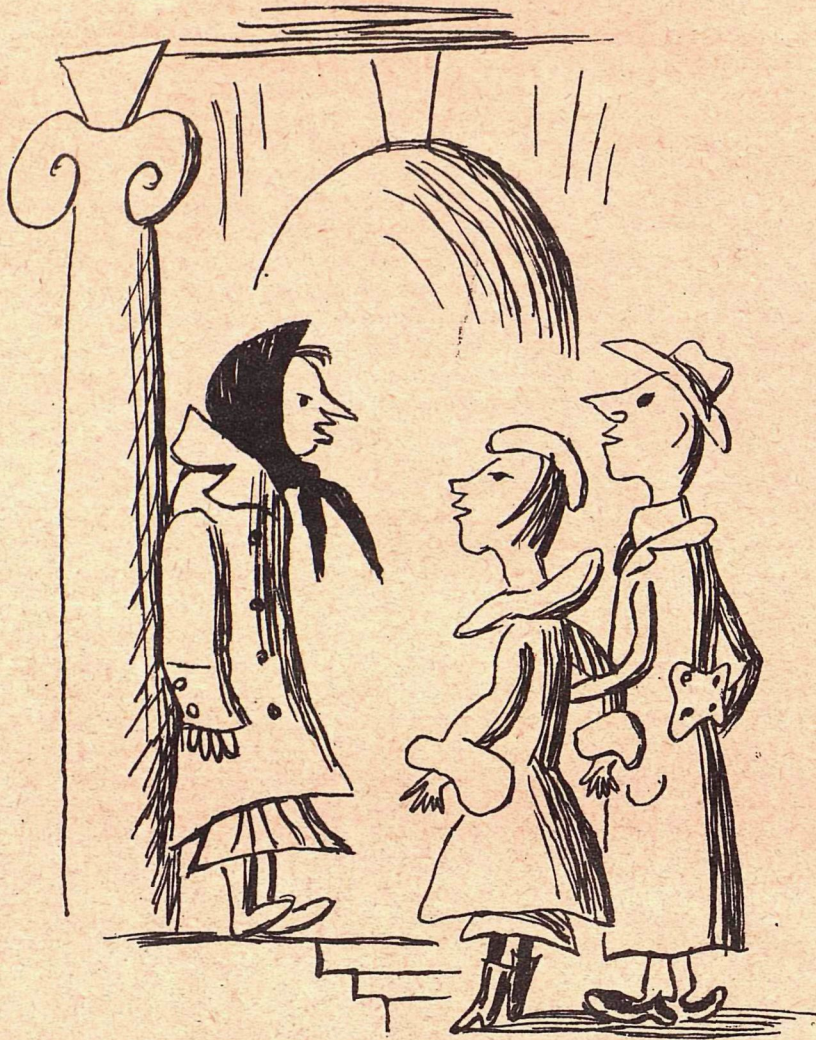
— Гражданин Бричке прав, — раздельно произнесла она в воодарившейся тишине. — Последние пять месяцев я мучительно думала и пришла к выводу, что он безусловно прав! Долой фантастику, да здравствует гимнастика! Вы видите перед собой не прежнюю Агнессу Бумштейн, — с подъемом продолжала она. — Я перестроилась, товарищи! Я переродилась, товарищи! Но, безоговорочно признав свои ошибки, я тем самым беру на себя обязанность быть хранителем чистоты идей нового мира... Меня не удовлетворяют высказывания гражданина Бричке. (Да не бузи ты, старик! — брезгливо заметила она порывавшемуся что-то сказать Ананию. — Брось трепаться!..). Прежде всего он отстаёт от темпов. Он рабски путается в шарикоподшипниках индустрии. Неопсихологизм заедает Бричке. Человек-жест? Разберемся... Разве «че-ло-век» не есть комплекс психологических черт? Утверждаю, что да... Я за жест, но без человека! За чеканную ритмику машин! Хватательный жест экскаватора — вот жестикация современности! Мы должны смотреть вглубь. Я слышу марш телевоксов... Я за инкубатор, а не за курицу. Машина минус человек — вот наша столбовая дорога! Долой либеральствующего психологиста Бричке! — и Агнесса уничтожающе посмотрела на побелевшего Анания.

Идеологические поклонники Бричке робко придвинулись к Агнессе. Они уже восторженно смотрели на гражданку Бумштейн. И только один недоброжелательный, звучащий, как мрачное предсказание, взгляд смогла уловить пламенная Аполосовна. Этот нехороший взгляд принадлежал зеленоседому соавтору ее печально-знаменитой статьи «О сказке». Судя по тому, как этот старик молодецки закусывал травяную бороду и из-под мшистых бровей сверкал совиными глазками, было видно, что перестройка его тоже не за горами... А так как он немного запаздывал, следовало ожидать, что он такое загнет, так ударит влево, что и Аполосовна, а тем более бедный неопсихологист Бричке жалобно останутся далеко позади... Он еще поставит свои рекурды!.. Оставалось ждать...

ВАЛЕРИЯ ГЕРАСИМОВ

СКЕПТИК НА ПОСТУ

Рис. Б. Малаховского

— Скажите, здесь помещается загс?
— А вы что, не знаете? В первый раз, что ли?

ОБ АНАЛИЗАХ

Я поражаюсь успехами медицины и более всего в одной ее части — в области анализов.

Врача, который ставит диагноз на глаз и по слуху, я не ставлю ни в грош.

Мне нужен врач, который снимает с меня свой первый гонорар за подход. За первый подход к моей сложной организации.

За то, что он пропишет, какие мне нужно сделать анализы.

Я, может быть, не приду к нему во второй раз, но пока я ухожу успокоенный. В любой день и час, когда у меня будут деньги, я смогу установить адрес своей болезни. Так сказать, номер дома. Она от меня не уйдет.

Меня просветят. У меня отберут все сорта бродящих во мне жидкостей, из меня наделают диаграмм.

Результаты мне выдадут на руки.

Я смогу поставить фотографию своей кишки на стол.

Узнаете? Это я в прошлом году. Единственный негатив. Интимная карточка.

Когда начнет затухать разговор в обществе, я скажу:

— Альбумоза у меня нет. Уробилина — норма. Лейкоциты — единичные в поле зрения.

И разговор вспыхнет с новой силой.

Но я не хочу говорить об этих побочных выгодах.

Наднях я побывал у одного доктора, сухошавого молодого блондина.

— Здравствуйте, — сказал я, — я страдаю одышкой. Когда я хожу по улицам в роговых очках и пыхтя, неопытная молодежь принимает меня за окуня.

— Вам измеряли давление? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — Но, полагаю, что оно очень высокое.

Он надел на мою руку браслет, который накачал воздухом.

— У вас давление ниже нормально, — сообщил он.

— Странно! Чем вы тогда объясните мою полноту? При вакууме все это было бы у меня втянуто.

— Дышите! — сухо приказал он. — Не дышите!

Он слушал, что у меня творилось внутри, как в давние времена слушали граммофон, засунув в каждое ухо по концу трубочки.

— Закройтесь!

Он перешел к столу.

— Я вам пишу: рентген и, затем, пять анализов. Клинический анализ крови, РОЭ, реакции на осаждение эритроцитов анализ на кислоту, обыкновенный анализ, анализ на хелистерин. Вот!.. Вы были всегда здоровы?

— Да.

— А ваши родители?

— Также да. Отец ставил это себе в заслугу.

— Ваш дед?

— Деда я помню только по фотографии. Но, судя по бороде, тоже да.

— На всякий случай вы и этот анализ сделайте. Пишу: реакция Вассермана. Итого шесть!.. Сколько это вам будет стоить? Рублей шестьдесят — семьдесят.

Я заплатил ему пятнадцать рублей, но вечером завернул в поликлинику. Там принимал полный приват-доцент, брюнет. Истина должна была лежать посредине.

А кроме того я желал отдохнуть после пятнадцати рублей на пятерке.

— Дышите! — сказал брюнет. — Закройтесь!

Он перешел к столу.

— Тут у меня кое-что уже есть, — сказал я. — Анализы. Из шести блюд.

Я подал ему полученное меню в надежде, что он кое-что вычеркнет.

— Не возражаю, — проговорил он. — Но здесь не хватает вот чего — электрокардиографии; это вам будет стоить пятнадцать рублей. И затем — сахара с гликемической кривой. Сахар вам обойдется в тридцать рублей.

— Тридцать рублей сахар! — закричал я.

Это меня возмутило.

Он молча пожал плечами.

— Без сахара я вам не сумею поставить диагноза, — сказал он. — У меня нет основания предполагать, что у вас нет сахара.

— Возможно, — сказал я. — Но если он есть, то не могу ли я почувствовать его на язык?

Он дал мне понять, что в приемной его ожидают больные.

Теперь мне осталось пойти только к одному старику-доктору.

Он сильно отстал от века.

Он, по обыкновению, будет ворчать, старый дурак, против нашей блестящей докторской молодежи, которую будто бы развращают анализы, мешая развитию их докторской наблюдательности.

Какая фантазия!

Но я все-таки попрошу его кое-что приписать к этим восьми анализам, не говоря о рентгене. Этак рублей на двадцать.

Мне не хотелось бы анализировать себя глубже чем рублей на сто десять. Я боюсь утонуть в море секретий.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

ЛИНИЯ ПАТЕФОНА

1931 ГОД

— Чилкин, слышали, совершенно разложился. Оторванность от масс полная.

— А что?

— Да как же: патефон завел!

— Ай-йй-йй!

— Домой придет, чем бы подчитать что, или подучить, или поднаписать,— сейчас это патефон заводит. Фоксикки, тротики, вальсикки, бостончикки...

— Да, да, да.

— Третьего дня до того затанцовались—не заметили, как из прихожей все пальто вынесли, семь пар калош, валенок один и варежку. Воры выносят, а они пляшут. И смех и грех!..

— Что ты скажешь!.. А ведь этот Чилкин в гражданскую войну...

— То-то и обидно: кто бы разлагался, но не свои парни!..

1933 ГОД

— Если я теперь трудящийся человек, имею я право занять культурный отдых?

— А кто что может сказать?

— Возьмем тот же патефон. Он есть советская продукция. Я есть советский гражданин. Почему мы должны друг друга чуждаться?

— Никто ничего не может сказать!

— И хоть бы это фокстрот. Он мне играет. Я ему пляшу. И квиты.

— А кто что?..

— Чем, например, водку пить все время, я лучше станую, выпью рюмочку и опять пошел танцовать. А то бы я от бутылки вовсе не отошел. Подсчитай теперь, сколько я за счет этого патефона культурно не допил. Можно на это возразить?

— Никто ничего!

1935 ГОД

— Здоров, здоров! Тороплюсь очень!

— Что так?

— Да вот патефон купить нужно. Просто уж людей совестно: к кому ни придешь, у всех есть, одни мы всухомлятку время проводим, без музыки-танцу.

— Да-а... Скучновато без музыки...

— А как же! Тем более, танцовать научились: и сам, и жена, и дети... Да что говорить: у жены есть дядя — глухой! Так и тот теперь танцует.

— Этот как же?

— Ну, мотива, это верно, он не слышит. Но в ритмах здорово разбирается. Что — бостон, что — блюз, что — танго, — сразу видит. Покажешь ему только пальцем — он и пошел плясать. И тютелька в тютельку с пластинкой идет.

— А как же он останавливается?

— Увидит, значит, что другие кончили танцовать, ну и он себе бросает. Способный старик... Пока, значит: очень тороплюсь...

1936 ГОД

— Чилкин, слышали, совершенно разложился. Оторванность от масс полная.

— А что?

— Да как же: патефона не желает иметь. Его было премировали патефоном, так отказался.

— Да, да, да!

— Мне, говорит, надоели эти хрипы и визги. Ему надоели, — как вам нравится!

— Ай-йй-йй!

— Наднях день рождения у него был, у Чилкина. И можете себе представить: всю вечеринку провернул без патефона. Один гость, бедняга, принес с собой ленинградский патефончик. Так

Чилкин этого гостя запер в чулан, чтобы, значит, не беспокоили его хрипы и визги. Так туда и угощение подавали этому гостю...

— Ужас какой!

— А я что говорю? Придется прибегнуть к воздействию общественности.

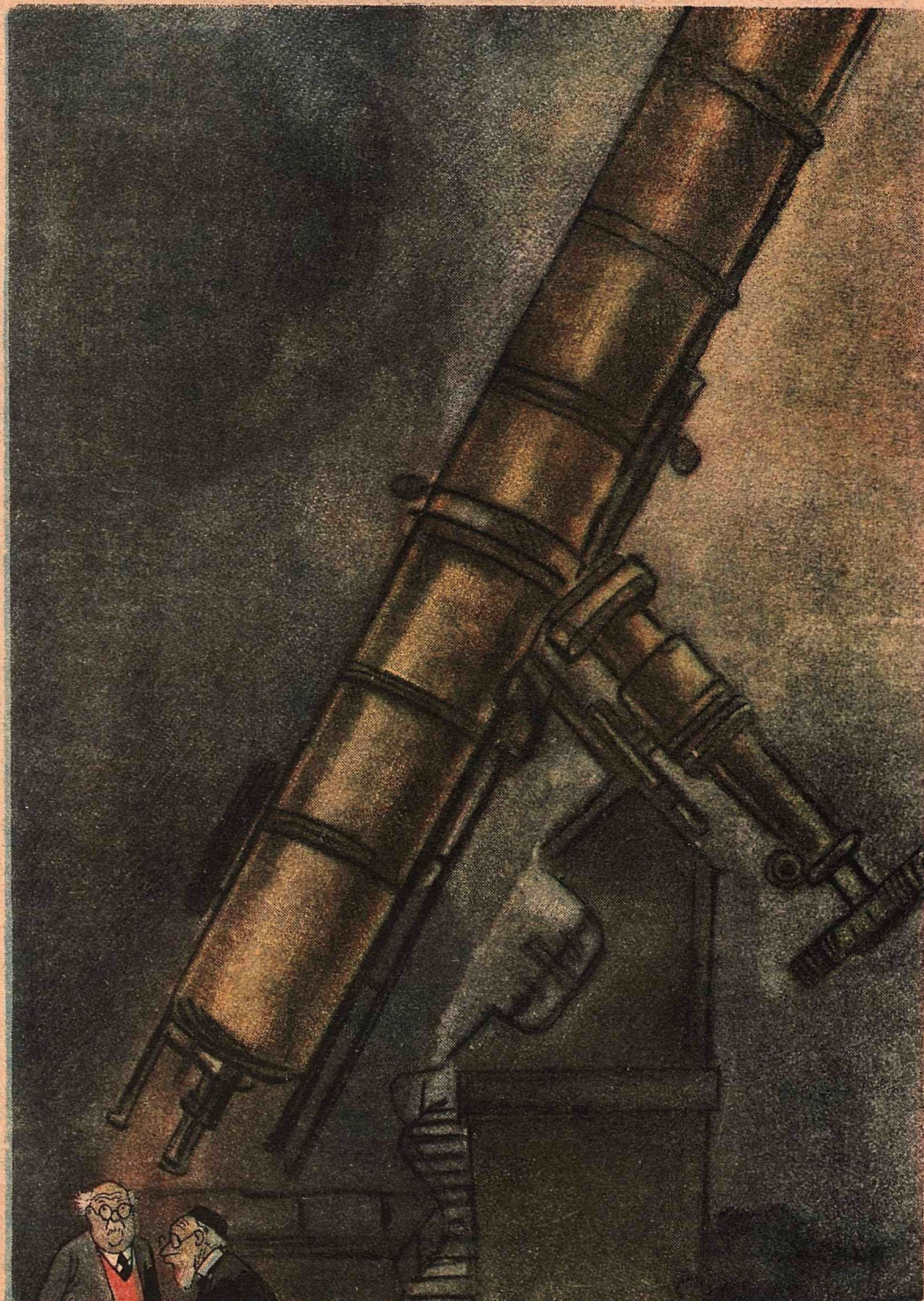
— То есть?

— Ну, вызовем в местком, внушение сделаем. А, может, в стенгазете пропечатать: «Не любящего патефон выгоним из товарищеских рядов вон»... Что-нибудь делать надо...

В. АРДОВ

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ НЕУВЯЗКИ

Рис. М. Храпковского

— Я думаю, герр профессор, что лунное затмение будет протекать в неблагоприятных для наблюдений условиях.

— Облачность?

— Нет. Большинство наших астрономов сидит в тюрьмах.

НА СУШЕ И НА МОРЕ

ТАЙНЫ ПАРАДНЫХ ПОДЕЗДОВ

Принтервьюированы решительно все. Академики высказались о молочном шоколаде. Хозяйки премированных собак не скрывают своих взглядов на новые веяния в скандинавской философии. Писатели сказали все, что могли, о новых маршрутах автобусов, футболисты — об итало-абиссинском конфликте, а магазинладельцы — о новом способе удаления камней из печени. Нужны новые, острые интервью. И вот парижский журнал «Вю» нашел выход. Он дает интервью с консьержками (швейцарками) знаменитых людей.

Немало великих волнующих истин поведали миру швейцары знаменитостей.

Консьерж миллионера барона Мориса Ротшильда оказался густо закопсированной высокой особой. Он с нескрываемой тревогой отнесся к тому, что его фотография может быть напечатана в журнале:

— Барон, без сомнения, был бы неприятно поражен, если бы увидел мою фотографию в журнале. Во всяком случае, я должен спросить на это разрешение у барона...

Познакомившись с такими волнующими подробностями из быта баронских особняков, читатели узнают потрясающую сенсацию о сущности знаменитой звезды варьете, престарелой Мистингет, от ее консьержки («он элегантен, общителен, остроумен»):

— У мадам Мистингет очень многие просят ее фотографии.

Она посылает их только тем, кто присылает ей десять су на расходы.

Остальные консьержки мало что прибавляют нового к популярным материалам из бульварных газет. Но все единодушны в одном:

— Состою ли я в профсоюзе? Нет. Профсоюз занимается политикой, а наши хозяева этого не любят.

И читатель в халате и пижаме тоже, наверное, согласен с ними: зачем, действительно, заниматься политикой, когда, кроме нее, есть столько увлекательной пищи и для ума и сердца: и скупость стареющей звезды, и таинственность барона Ротшильда и другие увлекательные слухи и факты.

Несколько иначе чем в других интервью звучат короткие строки репортера, когда он, описывая разговор с дворником на улице Каде, в помещении масонской ложи Востока, говорит, что ложу частенько посещают «Боевые кресты» (французские фашисты), и вскользь замечает:

«В это время входит человек и, ничего не говоря, делает быстрый знак рукой, которую он поднимает до высоты груди. Они друг друга, видимо, не знают, но Братство не признает никаких преград: консьержку поручаются два чемодана. «Один содержит драгоценные камни, — заявляет при уходе этот человек, — другой — яды... До свиданья».

Здесь тоже своя интрига: бриллианты, яды, масоны, — и тот же читатель сквозь щелку, приоткрытую репортером, заглядывает в «политические тайны» — это тоже шепочет. Тоже шевелит праздное любопытство. А что больше надо поставщикам малых и больших сенсаций, работающим на не требовательного потребителя?

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Малютку Анны Дмитриевны Мухиной, проживающей в Ногинске, зовут Виктором и Галиной. Может, они уже не малытки, а очаровательные подростки, являющиеся лучшим украшением семейного очага? Не знаю. Если бы я встретил на своем жизненном пути их маму — Анну Дмитриевну, быть может, я бы не пожелал себе лучшей подруги жизни. Но обстоятельства сложились иначе. В Ногинске я никогда не был, никакой Мухиной никогда не знал, а тем не менее ногинская прокуратура постановила взыскать с меня 1800 рублей единовременно и брать по 100 рублей ежемесячно в пользу гр. Мухиной и ее детей Вити и Гали вплоть до их совершеннолетия. Сам я футболист сборной команды СССР и СССР, живу в Харькове и на предложение ногинской прокуратуры явиться немедленно в ногинский нарсуд ответил отказом. Ногинская прокуратура обратилась к харьковской. Харьковская прокуратура вызвала всех Фоминных. Увы, моим однофамильцам повезло: их оставили в покое, но с меня требуют алименты. Что делать? Согласиться стать ориентировочным отцом совершенно неизвестных мне детей от незнакомой матери или просить тебя выступить моим защитником от неистового рвення ногинской прокуратуры?

Н. ФОМИН.

Харьков.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

В «Челябинском рабочем» (№ 302) была помещена заметка «Охота с автомобиля». В ней рассказывается, что «магнитогорские охотники овладели способом охоты с автомобиля. Охотник С. убил таким путем одного зайца, а Р. — двух. С., разезжая в автомашине, добывал в день по 50—60 косачей. Охотник Э. на автомобиле догнал и застрелил лисицу» и т. д.

Я вполне понимаю, что из уважения к новому способу охоты окрестные зайцы и ли-

сицы выходят навстречу автомобилям и терпеливо дожидаются, пока их не подстрелят. Но догадываюсь, что сидят они не на дорогах и автомобилям приходится ездить по самым непроходимым местам. Спрашивается: во что должен обойтись скромный местный заяц, если после двух—трех таких охот от автомобилей должно остаться одно грустное воспоминание?

М. РОССОХИН.

Шумиха.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Ты правильно уделяешь место разоблачению проездных халтурщиков на периферии. Разреши мне дополнить твою коллекцию таким примером пагубного воздействия халтурщиков на молодежь. После ряда гастролей различных эстрадных арапов в столице Константиновской недавно была обнаружена следующая анкета местного комсомольца Петра Земляного, явившегося на краевую олимпиаду самодеятельного искусства: «Глотание горячей пакли, жевание стекла, прокалывание ушей и падание на колени».

Кто же наталкивает зеленую молодежь на глотание пакли, как не проездные халтурщики? А для того чтобы не быть голословным, прилагаю при сем афишу последнего «гастролера» в Тарасовском районе:

«Сегодня 24 проездом.

1. Артиста-баяниста Олейникова И. Ф. будет поставлен концерт баяниста в исполнении классических вещей композитора Шопен, Бахе, Шуберт и другие последние новинки.

2. Юмор — сатир из жизни проезжающих пассажиров.

3. Исполнение новинок по заказу слушателей.

По окончании общие танцы.

Сопровождают два Баяниста».

А. ХРОМЧЕНКО

Ростов на Дону.

ДЕТИ, ЧИНУШИ И ЕЛКА

(Документ, не нуждающийся в комментариях)

3-5 ЯНВАРЯ ПЕТРОВСКИЙ ДОМ СОЦКУЛЬТУРЫ 3-5 ЯНВАРЯ

УСТРАИВАЕТСЯ **ЕЛКА** УСТРАИВАЕТСЯ

ТАНЦЫ, ИГРЫ, ЛЕТУЧАЯ ПОЧТА, БОИ КОНФЕТТИ, СЕРПАНТИН

ЕЛКА ИДЕТ В СПРОВОЖДЕНИИ КОНЦЕРТА

ДЕТИ НА ЕЛКУ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ

Зам. зав. ДСК МАТВЕЕВ Н. В. Художеств. руков. САФОНОВ С. А

Рейтинг № 51.

гос. Петровск, типография ред. газ. „Сталинцы“

Тираж 100 экз.

ТРЯСОГУЗКИ ДЕЙСТВУЮТ

Косинский райисполком опубликовал в районной газете «По социалистическому пути» свое очередное постановление.

„Обязать всех заведующих лесопунктами в течение трехдневного срока выявить стахановцев и создать им культурно-бытовые условия, также снабжение“.

«В трехдневный срок выявить стахановцев!» Бюрократические трясогузки даже в могучем народном движении увидели лишь очередную кампанию, на которую нужно «откликнуться», а документик подшить к делу.

Через три дня Косинский райисполком, надо полагать, издаст новое постановление:

«Считать выявленных в лесопунктах стахановцев таковыми со дня опубликования настоящего приказа сроком на шесть месяцев».

И районная газета «По социалистическому пути» привычно напечатает этот вздор на своих терпеливых страницах.

ГРАММАТИКА ДЛЯ ВСЕХ ГРАЖДАН

Нет правил грамматики специально для шахтеров, находящихся под землей, и специально для авиаторов, парящих над землей. Грамматика—одна для всех граждан.

Этой азбучной истины не уразумел поэт А. Решетов — автор стихотворения «Авиатор», помещенного в журнале «Новый мир».

Вот отрывок из этого стихотворения:

Рискуя,
Лихуя

И песни пою,
Родные края озираю,
Летишь,
И понятна мне слава твоя,
Как эхо

От края до края.

А Решетов мог бы сказать о себе:

Понятна,
Приятна
Мне слава моя
Как эхо

От края до края.

Лечу я,
Лихую
И песни пою,
Грамматику презираю!..

ТРУЖЕНИК ОПОШЛЕНИЯ

Профмужчины в харьковском университете быстро додумались, как легко и безболезненно можно пройти в стахановцы рядовому учащемуся. Вот лозунги, выдвинутые председателем профкома Богатыревым:

Стахановец тот, кто не опаздывает на лекции.
Стахановец тот, кто пишет грамотно.
Стахановец тот, кто содержит в чистоте общежитие.

К этому небогатому ассортименту псевдостахановских показателей можно было бы добавить в подобном же тоне еще один:

— И стахановец тот, кто, подмета свое помещение и не опоздав на лекции, посылает профкому Богатыреву грамотно написанную записку: «Слезай, дядя, с трибуны и не опошляй стахановского движения!»

— Врут, наверно, эти ученые, что до Луны чтыреста тысяч километров. Без счетчика, наверно, и двухсот тысяч не наберется.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Редколлегия: Л. ЛАГИН, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-05-46; Д 3-05-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена — 1 р. 20 к. в месяц ● Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 82

Сдача текста и рисунков 7/1—36 г.

Подп. к печ.

15/1—36 г.

Статформат 72×105

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлита Б—17096.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 38.

Тираж 266 000

Рис. Л. Генча

Д 7 Ж 11

ЗАМИНКА У КОЛХОЗНОЙ ИЗБЫ

— Фу, чорт, с некоторых пор эта дверь стала страшно узка...

25 1/2